

Февр., 2025

Я отделён от всех вещей пустым пространством,
через границы которого даже и не стремлюсь пробиться.

Кафка, Дневники (1910 -1923)

Ясновиденье прошлого

Это даже не память – мгновенный провал
в ясновиденье прошлого. Ночью стоял

послесонный, смурной - дело было зимой –
в центре комнаты, глядя как шкаф платяной

распахнул свои дверцы, пополз от стены
на меня. В животе деревянном видны

были несколько полок с постельным бельём,
коромысло стальное с моим пиджаком,

две культи обезноженных брюк. Был похож
в рукаве тёмный отблеск на маленький нож.

А вокруг шевелились в обоях цветки.
Вслед за шкафом позли, ошестинив клыки,

кособокие стулья враждебной толпой
по неоновым всполохам. Злостью слепой,

видно, вещи пропитаны были насквозь.
Слишком много со мной натерпеться пришлось.

Им прощать не дано. Все они заодно.
Этот бунт, эта злость в них копились давно.

Я почувствовал - в пол ушли ноги мои.
Тусклый свет был вокруг их, как две полыньи.

Вече стульев, кривыми ногами стуча,
что им делать решало. Стен было сейчас

не четыре, как раньше, а минимум семь,
и они расходились - кромешная темь

заполняла пустоты - сходились опять,
превращались в спираль. Стало трудно дышать.

Словно танк, полированный шкаф-гардероб
надвигался разбрызгивал тьму, и вздох

билось сердце. С трудом я глотал пустоту.
Шевелились от страха все пломбы во рту.

Подползал отовсюду крадущийся треск
половиц, их густой полированный блеск.

Потолок опускался. С ним вместе беда
надвигалась, звенела в ушах. И, когда

шкаф, пахнув нафталином, вплотную подполз,
кипятком электрическим брызнул на пол

одиноким торшер, мой единственный друг.
Его жёлтая тень, как спасательный круг,

в потолке проступила, но было нельзя
ухватить его. Медленно взглядом скользя,

натолкнулся на свет, преломлённый в ноже,
и рукав пиджака занесён был уже.

Но в секунду последнюю замер. Назад
отползая стала мебель. Теперь на глазах

высветлялась она. Нож вернулся в рукав,
промелькнув на прощание лезвием. Шкаф

одним махом пиджак заглотил целиком,
отрыгнул недовольно. Закрывшись с трудом,

прислонился к стене. Разбрелись по местам
присмившие стулья, прижались к цветам

на застывших обоях. Казалось, что злость
из вещей испарилась. В тот раз обошлось.